

Е. В. Терентьева

КОМПЕНСАЦИИ В ИСТОРИИ ЯЗЫКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА РУССКОГО ГЛАГОЛА

В статье формирование аспектуально-темпорального комплекса русского глагола рассматривается как компенсаторный процесс второй разновидности, в рамках которого происходило становление категории перфектности, являющейся результатом компенсаций на функционально-семантическом уровне.

Е. Terent'yeva

COMPENSATIONS IN HISTORY OF LANGUAGE AS A FACTOR OF FORMING THE ASPECTUAL AND TEMPORAL CATEGORY OF A RUSSIAN VERB

The development of the aspectual and temporal verb category is viewed in the article as a compensatory process of a secondary degree, which has resulted in the formation of the perfectivity category.

Историческое развитие подсистемы прошедших времен, в ходе которого сформировалась единая современная видовременная претеритальная форма, до сих пор не получило однозначного освещения. Различные, в том числе и весьма крайние точки зрения, появляющиеся в научной литературе¹, требуют своего осмысления с учетом новых подходов в языкознании.

Применение комплексного описания языковых единиц во многих случаях позволяет предложить непротиворечивое объяснение сложных динамических процессов в языке. При рассмотрении процесса унификации системы прошедших времен в русском языке важным представляется высказывание О. Н. Трубачева, который отмечал, что «в истории языка преобладали не абсолютные утраты, а переосмысления»². Это положение представляется весьма актуальным. Продолжая мысль ученого, можно сказать, что в истории языка преобладали не абсолютные утраты, а переосмысления и компенсации.

В трудах славистов компенсаторные процессы анализировались, как правило, в связи с описанием праиндоевропейских либо праславянских реконструкций. Компенсаторным процессам в истории русского глагола посвящен ряд публикаций С. П.

Лопушанской³, в которых *компенсаторность* понимается как заместительная функция, развивающаяся чаще всего на разных языковых уровнях взамен утраченных смысловых и функциональных отношений между грамматическими категориями и их формами⁴.

Исследователем показано, что «свертывание системы времен и личной парадигмы русского глагола сопровождалось *компенсаторными* процессами на функционально-семантическом уровне»⁵.

Эти процессы имеют различный характер: компенсаторные процессы первой разновидности не приводят к существенным изменениям на других уровнях языка; компенсаторные процессы второй разновидности, напротив, охватывают другие языковые уровни, ярко проявляются в «междууровневых» реализациях компенсирующих элементов и обнаруживаются в истории системы времен русского глагола⁶.

В настоящей статье мы рассмотрим те вопросы, которые имеют отношение к компенсациям, затрагивающим формирование видовременной системы русского глагола.

Как известно, проблема происхождения глагольного вида является наиболее дискуссионной в славистике. Мнения ученых расходятся как по вопросу о времени воз-

никновения видовых значений, так и по вопросу той базы, на основе которой они формировались⁷. В нашем исследовании при рассмотрении происхождения вида в русском языке мы будем придерживаться концепции, сложившейся в Волгоградской научной школе под руководством профессора С. П. Лопушанской⁸.

В соответствии с этой концепцией, категория вида формировалась в *исторический* период на базе таких частных аспектуальных значений, как предельность/непредельность, длительность, кратность, начатность, завершенность и др. Анализ функционирования глаголов в древнейших памятниках письменности свидетельствует о том, что они были нейтральны по отношению к категории вида. Только после грамматикализации этих средств стали складываться условия для формирования категория вида.

В эту новую оппозицию в исторический период постепенно втягивались остатки аориста и имперфекта, о также расширявшие сферу своего употребления образования на *-л*, «для которых сначала был характерен интенсивный рост словоформ, синтезировавших в восточно-славянских языках временные, модальные и видовые признаки прошедших действий в абсолютном и относительном употреблении»⁹. Особенно важным нам представляется изучение лексико-грамматической и грамматической семантики древнерусского глагола, позволяющее выявить «динамику компенсаторных процессов, которые в разных славянских языках способствовали различному переосмыслению функционально-семантических отношений между темпоральными и аспектуальными значениями отдельной глагольной словоформы, обуславливая тем самым своеобразие формирования видовременной системы»¹⁰.

Наблюдения над процессом свертывания подсистемы прошедших времен потребовали введения понятия *перфектности* для обозначения функционально-семантической категории, которая сформирова-

лась на базе грамматического значения перфекта и которую приобретала способность выражать любая древнерусская претеритальная форма¹¹.

Релевантными признаками категории перфектности являлись завершенность процесса в прошлом, результативность этого завершенного процесса, актуальность его результата для последующих темпоральных событий (в плане прошедшего при конкретно-пространственном восприятии времени действия или в плане настоящего при формировавшемся в исторический период абстрактно-пространственном восприятии времени действия)¹².

Как показывает анализ древнерусских памятников письменности, категориальную семантику перфектности в основном передают формы перфекта, у которых можно установить наличие ее релевантных признаков: *и егда стаияше въ ц(е)ркви бл(а)женныи зазираше себе г(л)аголя **пришель еси** семо оканье да сквърниши сия че(л)овеки* (Вып. сб. л. 5.8)¹³.

Словоформа присвязочного перфекта в приведенном примере обозначает предельный, завершенный в прошлом процесс, результат которого актуален для последующих темпоральных событий. В данном фрагменте текста на актуальность действия указывает темпоральный фон, свидетельствующий, что активный субъект уже приступил к другому действию, которое выражено в контексте формой настоящего времени, употребленной в функции однородного сказуемого («ты пришел и сквернишь»). Приставка *при-* эксплицирует значение завершенности перемещения; лексический уточнитель *семо* (=сюда) указывает в контексте на прибытие субъекта к конечному пункту движения, что способствует актуализации лексико-грамматического значения результативности завершенного процесса в прошлом.

В древнерусских памятниках категориальные признаки перфектности могли выражать и формы плюсквамперфекта. Как известно, грамматические значения пер-

фекта и плюсквамперфекта, в принципе, однотипны: древнерусский плюсквамперфект обозначал «смещенно-перфектное»¹⁴ значение, актуальность результата которого реализовалась только в плане прошедшего времени в рамках повествовательного контекста: *и не обретоша отшьльца бе бо многа лета въшьль въ врьтьнь и закрыль ся* (ПС л. 58 об. 7–8). В приведенном примере словоформы плюсквамперфекта от основ, тяготеющих к совершенному виду, выражают значение завершенных действий в прошлом, что подтверждается наличием результативных префиксов. Актуальность результата действий реализуется в плане прошедшего времени, названного аорис-том *обретоша* в главном предложении.

Особенно важными в контексте проведенного исследования являются случаи наличия семантики перфектности и у форм аориста: *рече з(оспод)ь ... азъ придохъ въ миръ съ мене видяще видять* (АЕ 1092 л. 5 об. 11–12). В приведенном фрагменте форма аориста, образованная от предельной основы, тяготеющей к совершенному виду, обозначает заверченный в прошлом и результативный процесс. На актуальность результата заверченного прошедшего действия указывает перцептивность описываемой ситуации, эксплицитно выраженной с помощью включения в контекст формы настоящего времени и причастия от глагола чувственного восприятия *видяще видять*.

Необходимо отметить, что подобные случаи зафиксированы и в летописях: *и возва е Ольга к собе и ре(ч)е имъ добри гостье придоша* (ЛЛ, л. 15); *и реша Деревляне придохомъ княгине* (ЛЛ, л. 15). Словоформы аориста в анализируемых контекстах, употребленные в конструкциях прямой речи, обозначают заверченный в прошлом процесс. Актуальность результата рассмотренных действий реализуется в плане прошедшего времени, названного аорис-том *рече* (первый пример) и *реша* (второй пример), обозначающими факт в прошлом и вводящими прямую речь.

В ряде случаев установить реализацию категориальных признаков перфектности у формы перфекта не представляется возможным, например: *слышахомъ яко прихидили суть Болгаре оучаще тя прияти веру свою* (ЛИ, л. 28). В приведенном примере приставочный глагол от неопределенной основы, тяготеющей к несовершенному виду, обозначает «обратимое» действие — движение активного субъекта к конечному пункту и от него. Актуальность действия, выраженного формой присвязочного перфекта, отсутствует; действие констатируется как факт в прошлом. В этом и подобных примерах наблюдается сближение перфекта с формой аориста.

Рассмотренные фрагменты текста, в которых категориальные признаки перфектности реализуются различными претеритальными формами (исключая имперфект), а форма перфекта употребляются в функции аориста, подтверждают семантическое сближение древнерусских претеритальных форм, что может быть рассмотрено как начальный период появления функционально-семантических компенсаций, развивающихся взамен наметившейся утраты системного противопоставления древнерусских простых и сложных прошедших времен.

Предпринятый анализ более 3800 случаев употребления претеритальных глагольных словоформ в древнерусских текстах позволил установить принципиально важные тенденции развития аспектуально-темпорального комплекса русского глагола.

Развернутая подсистема времен, зафиксированная в разножанровых памятниках письменности, отражала доминирующее конкретно-пространственное представление средневекового человека о времени действия.

В связи с переосмыслением восприятия времени действия от конкретно-пространственного к абстрактно-пространственному эта система теряла устойчивость, претерпевала ряд изменения: неразличение и смешение претеритальных форм; разруше-

ние системы вспомогательных глаголов в сочетании с *л*-причастием, утрату в связи с этим формы плюсквамперфекта и становление синтетической претеритальной формы на *-л*. Эти изменения сопровождались компенсаторными процессами на функционально-семантическом уровне, которые находили выражение в формировании категории перфектности в рамках компенсации второй разновидности (по терминологии С. П. Лопушанской), сопровождавшей унификацию подсистемы прошедших времен и становление единой видовременной формы прошедшего времени, способной передавать все оттенки значений утратившихся форм на базе укрепившейся категории вида. В древнерусский период, будучи

функционально-семантической категорией в рамках темпоральности, перфектность преимущественно выражалась морфологической формой перфекта, а также соотношением форм внутри многокомпонентной системы времен.

Разрушение развернутой подсистемы прошедших времен, которая была представлена абсолютными и относительными временами, компенсировалась в истории языка формированием единой видовременной претеритальной формой, получившей способность использоваться в абсолютном и относительном употреблении, выражать категориальную семантику перфектности на функционально-семантическом уровне.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Менгель С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // Вопросы языкознания. — 2007. — № 6.

² Трубачев О. Н. Славянская этимология и сравнительность: От съезда к съезду // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3. — С. 3.

³ Лопушанская С. П. Развитие системы времен древнерусского глагола // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 30–56; Лопушанская С. П. Компенсаторные процессы в истории русского глагола // Академик О. Н. Трубачев: Слово о замечательном волгоградце. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 83–90; Лопушанская С. П. Компенсаторные процессы в истории русского (славянского) глагола как отражение языковой картины мира // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 669–674; Лопушанская С. П. Функционально-семантические изменения русского глагола в диахронии // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ 2007. Т 3. — Sofia: Heron Press, 2007. — С. 133–140.

⁴ Лопушанская С. П. Компенсаторные процессы в истории русского (славянского) глагола как отражение языковой картины мира // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 671.

⁵ Лопушанская С. П. Развитие системы времен древнерусского глагола // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. — С. 52.

⁶ Лопушанская С. П. Компенсаторные процессы в истории русского глагола // Академик О. Н. Трубачев: Слово о замечательном волгоградце. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. — С. 85–86.

⁷ Бородич В. В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках. Вопросы языкознания. — 1953. — № 6; Ван Вейк Н. О происхождении видов славянского глагола // Вопросы глагольного вида. — М.: Изд-во ИЛ, 1962; Гавранек Б. Вид и время глагола в старославянском языке // Вопросы глагольного вида. — М.: Изд-во ИЛ, 1962; Достал А. Установление видового значения конкретного глагола // Вопросы глагольного вида. — М.: Изд-во ИЛ, 1962; Силина В. Б. О происхождении славянского глагольного вида: Развитие категории индетерминированности в праславянском языке // Русский глагол в сопоставительном освещении: Парадигматические и синтагматические отношения. — Саратов, 1987.

⁸ Лопушанская С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. — Казань, 1975; Лопушанская С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола. — Волгоград: Изд-во ВПИ, 1990; Лопушанская С. П. Развитие системы времен древнерусского глагола // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000.

⁹ Лопушанская С. П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. — Казань, 1975. — С. 320.

¹⁰ Лопушанская С. П. Функционально-семантические изменения русского глагола в диахронии // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса МАПРЯЛ 2007. Т 3. — Sofia, 2007. — С. 137.

¹¹ Терентьева Е. В. Становление лексико-грамматической семантики перфектности в истории русского глагола // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — Тамбов, 2007. — Вып. 10 (54). — С. 31–34.

¹² Терентьева Е. В. Семантика перфектности в древнерусских формах прошедшего времени от глаголов действия, состояния, отношения // Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол: История и современное состояние. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. — С. 458.

¹³ Древнерусские тексты цитируются по: Архангельское Евангелие, XI, 1092 г. Изд.: Архангельское Евангелие 1092 года. — М., 1997 (АЕ). Выголексинский сборник. Изд.: Выголексинский сборник. М., 1977 (Вып. сб.). Летопись Ипатьевская, южнорусский летописный свод к. XIII в., СП. Ок. 1425 г. Изд.: ПСРЛ. Т. 2. Репр. изд. — М., 1998 (ЛИ). Летопись Лаврентьевская, владимирский летописный свод 1305 г., по СП. 1377 г. Изд.: ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Репр. изд. — М., 1977 (ЛЛ). Синайский патерик (XI–XII вв.). — М.: Наука, 1967 (ПС). Тексты приводятся в упрощенной графике.

¹⁴ Маслов Ю. С. Перфектность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. — Л.: Наука, 1987. — С. 202.